

Простые слова Ань Сяопина мигом привели Цзян Тинчжоу в чувство.

«Действительно, к чему все эти сцены? Зачем вообще принимать происходящее так близко к сердцу?»

Все счета с работниками старого ресторана он закрыл еще в прошлой жизни. Тех ленивых бездельников, что вечно кичились своим почтенным стажем, он тогда без жалости выставил за дверь, сполна вернув себе всё, что причиталось. Нынешний кризис случился не по его вине — просто кое-кто в очередной раз наступил на собственные грабли.

— Избавьте меня от этих излияний, — холодно отрезал Цзян Тинчжоу. — Ян Цзиньхао, завтра перед заседанием совета директоров верни мне мою медаль. А со всем остальным разбирайся сам.

Глядя на помертвевшее, осунувшееся лицо управляющего Яна, Тинчжоу мысленно усмехнулся: дать этому человеку отсрочку до завтра уже было верхом великодушия. Он повернулся к друзьям и негромко скомандовал:

— Ладно, пошли отсюда.

Менеджер зала бросился было вдогонку, надеясь удержать Тинчжоу, но безуспешно. Ань Сяопин прямо у дверей спустил на него всех собак, так что незадачливому преследователю пришлось убраться восвояси несолоно хлебавши.

Вернувшись в холл, менеджер бросил взгляд на стену почета. Зияющая там пустота отозвалась тупой болью в груди. Он уныло поплелся на кухню, но едва переступил порог, как в нос ему ударил резкий запах гари.

— Твою мать, суп сгорел! — взвыл он. — Хватит варить, выключайте плиту! Живо!

Ресторан прекратил принимать посетителей в зале, однако обязательства по доставке готовых диетических рационов для VIP-клиентов никто не отменял. Эти заказы приходилось выполнять вовремя — они оставались последней соломинкой, за которую еще цеплялось заведение.

Цзян Тинчжоу ведь предупреждал, что нужно убавить огонь, но растерянные повара думали лишь о грядущем крахе. На кухне царил хаос, за плитой никто толком не следил, и в итоге дорогое блюдо оказалось безнадежно испорчено.

Вдыхая едкую гарь, менеджер растерянно повернулся к управляющему Яну:

— Дядя Ян, что нам делать-то теперь?

Тот попытался подняться, но колени предательски подкосились. Помочь ему никто не догадался, и он, оторвавшись от пола лишь наполовину, снова мешком рухнул на плитку. С минуту управляющий сидел неподвижно, уставившись в пустоту остекленевшим взглядом. Он

словно заново прокручивал в голове каждое слово Цзян Тинчжоу.

— Еще не всё потеряно... — наконец хрипло выдавил он. — Завтра. Нужно дождаться завтрашнего заседания совета директоров. Он ведь сказал, что придет.

Эта мысль стала для него единственной соломинкой. Он уцепился за нее и забормотал, точно в бреду:

— Он обязательно придет, обязательно...

Менеджер робко спросил:

— Но с чего ему нам помогать? Неужели он... заступится за ресторан? За нас?

Управляющий ничего не ответил. Он так и остался сидеть на холодном полу, безучастный ко всему, и лишь беззвучно прошептал одними губами:

— Тинчжоу не такой человек, чтобы бросить начатое. Он не оставит всё как есть.

Тем временем на улице Ань Сяопин, тащивший тяжелые сумки с вещами, не удержался от вопроса:

— Тинчжоу, ты действительно завтра пойдешь на этот совет директоров?

— Разумеется, — отозвался Цзян Тинчжоу.

Сяопин заметно приуныл. Ему так хотелось, чтобы друг поскорее вырвался из этого змеиного логова, которым была семейка Цзян. И вот, когда наметился хоть какой-то просвет, тот снова добровольно лез в петлю. Впрочем, Сяопин понимал: Тинчжоу отдал этой компании лучшие годы жизни, выстроил бизнес своими руками, и в одночасье бросить столь огромную махину попросту невозможно.

Но Цзян Тинчжоу поспешил его успокоить:

— Я иду туда лишь для того, чтобы забрать то, что причитается мне по праву.

— Ту самую медаль Национального кулинарного конкурса? — уточнила Тянь Хуэй.

— Нет, медаль я намеревался забрать еще сегодня, — покачал головой Тинчжоу. — Дело в том, что мы с Цзян Ю заключили пари. Победителю спора, помимо кресла вице-президента компании, полагается особый приз. Завтра на совете директоров его торжественно вручат выигравшему.

Речь шла о семейной реликвии семейства Цзян — великолепной Императорской обеденной

чаше семейства роз. Поговаривали, что когда-то её пожаловал предкам сам император. Чаша дошла до наших дней в безупречном состоянии. Цзян Ю давно пускал на нее слюни: он прознал, что несколько весьма влиятельных лиц страстно увлекаются подобным антиквариатом. Но чаша существовала в единственном экземпляре и хранилась у их матери.

Мать обычно изо всех сил старалась сохранять видимость беспристрастия. Подарить столь ценную вещь любимчику напрямую она не решалась, но и устоять перед капризами младшего сына не могла. В итоге она нашла компромисс: выставила чашу в качестве награды за пари. Кто победит, тот и заберет реликвию, и никто не посмеет упрекнуть ее в фаворитизме.

Когда они только ударили по рукам, Цзян Ю ни секунды не сомневался в своей победе. В компании тоже никто не ставил на Тинчжоу. Если бы не его триумфальное выступление на кулинарном шоу, обеспечившее старой кухне «Императорского пира» колоссальный наплыв гостей, младший брат уже праздновал бы триумф.

Раньше Тинчжоу не слишком дорожил этой безделушкой. Его куда больше волновало кресло вице-президента, реальная власть в компании и — самое главное — страстное желание наконец-то хоть раз доказать свою правоту. Но теперь приоритеты изменились.

— Эта императорская чаша стоит баснословных денег, — задумчиво произнес Тинчжоу, припоминая детали. — Как-то раз один из гостей дома, знаток антиквариата, с ходу предлагал за нее почти четыре миллиона юаней, но мать наотрез отказалась продавать.

Памятуя о торгах на крупных аукционах, где ему доводилось бывать, Тинчжоу понимал, что четыре миллиона — далеко не предел. Лот в подобной сохранности мог уйти за гораздо большую сумму.

Ань Сяопин округлил глаза от изумления:

— Четыре миллиона?! Да за такими деньгами не то что на совет директоров — на край света пойти не грех!

Но тут же спохватился и с сомнением спросил:

— Слушай, а ты точно выиграл? Как ни крути, а дела у филиала «Благоухающий полуостров» в Шаньине шли блестяще. Расположение в самом сердце провинциального центра давало ему фору. Даже я, обычный студент, краем уха слышал, что доходы нового заведения вполне сопоставимы с выручкой старого ресторана «Императорский пир». Так что исход этого квартального соперничества оставался под вопросом.

— На бумаге победа за мной, — спокойно ответил Тинчжоу.

Ань Сяопин расплылся в глуповатой улыбке, пропустив мимо ушей слово «на бумаге». Как раз в этот момент такси притормозило у обочины, и расспросы сошли на нет.

Освободив крошечную каморку при ресторане, служившую ему временным пристанищем на время ночных смен, Тинчжоу направился к своему настоящему жилью. Обитать в той тесной клетушке постоянно было невыносимо, она годилась лишь для короткого отдыха после изнурительной работы. В свои двадцать два года Цзян Тинчжоу так и не обзавелся собственным углом. Формально за ним числилась комната в особняке Цзянов, но возвращаться туда ему хотелось меньше всего на свете.

Последние годы он практически безвыездно жил в просторной квартире Лу Байюя. Они съехались еще до того, как их отношения обрели официальный статус, хотя сам хозяин появлялся там от силы раз десять в год. Собственно говоря, Байюй и купил эти апартаменты исключительно ради того, чтобы Тинчжоу не приходилось мотаться через весь город. Район был тихим и зеленым, а дорога до старого ресторана «Императорский пир» отнимала всего четверть часа. Но находиться там Тинчжоу теперь было куда тяжелее, чем спать на жестком топчане в подсобке.

На первое время он решил остановиться у Сяопина. Тот рано лишился родителей, бабушка умерла пару лет назад, и теперь парень один занимал пустующую квартиру. Разумеется, старый друг с радостью согласился приютить его.

Стоило им войти в просторный вестибюль элитного жилого комплекса, как навстречу тут же шагнул вышколенный консьерж в безупречно отутюженном костюме. Он явно караулил Тинчжоу. Опережая его дежурные поклоны, парень бросил короткое «я справлюсь сам» и торопливо нажал кнопку закрытия дверей лифта.

Когда створки лифта бесшумно разъехались на нужном этаже, Сяопин и Тянь Хуэй невольно затаили дыхание. ЖК «Сияющая звезда» считался одним из самых престижных адресов в Юнцине. Цены на местные пентхаусы вызывали у простых обывателей шок. Интерьер квартиры являл собой образец сдержанной, но безумно дорогой роскоши: благородные материалы, приглушенные тона и дизайнерские безделушки, каждая из которых буквально кричала о богатстве владельца. Огромные панорамные окна выходили на гладь озера Юнцин и тенистые аллеи Народного парка. Чуть дальше высились сверкающие стеклом башни делового центра — отсюда весь город лежал как на ладони.

Внимание к деталям поражало: на журнальном столике и обеденной консоли высились пышные букеты, наполнявшие комнаты тонким, едва уловимым ароматом. Тинчжоу не было дома несколько дней, пока он лежал в больнице, однако цветы выглядели так, словно их срезали сегодня утром — на нежных лепестках еще дрожали капли росы.

Не оборачиваясь по сторонам, Тинчжоу прошел напрямик в спальню. Эта комната была обставлена куда скромнее остальных. Сяопин и Тянь Хуэй тут же принялись помогать ему складывать повседневные вещи и одежду из гардеробной. В шесть рук дело пошло гораздо быстрее. Аккуратно уложив стопку свитеров, Сяопин потянулся к вешалкам в глубине шкафа, но Тинчжоу мягко перехватил его руку.

— Не трогай то, что висит справа, — негромко произнес он. — Это мы оставляем.

В итоге его дорожная сумка наполнилась едва ли на десятую часть от всего содержимого гардеробной. На вешалках остались висеть десятки дорогих костюмов и брендовых вещей, многие из которых еще сохранили магазинные бирки. Тинчжоу выдвинул один из ящиков комода. Там, ровными рядами на бархатных подушечках, покоились коллекционные хронографы. Любой ценитель с первого взгляда определил бы их баснословную стоимость. Юноша выбрал скромные стальные часы, которые купил сам, а затем решительным движением задвинул ящик обратно.

— Ты всё это здесь оставишь? — удивленно спросила Тянь Хуэй.

— Это куплено не на мои деньги, — отрезал Тинчжоу.

Объяснять подробнее не требовалось: если платил не он, значит, все эти роскошные подарки принадлежали второму хозяину квартиры.

Друзья понимающе переглянулись и больше не задавали лишних вопросов. Они молча и быстро застегнули сумки, стараясь не смотреть по сторонам. Однако взгляд то и дело натывался на следы присутствия другого человека. Вся квартира была заполнена вещами, предназначенными для двоих. На деревянных полочках красовались рамки с совместными фотографиями. Снимки запечатлели их путь от школьной скамьи до сегодняшних дней. Было очевидно, что их связывало глубокое, искреннее чувство, зародившееся давным-давно. И уж точно этот союз не был безответным увлечением Тинчжоу — судя по ракурсам, большинство кадров с нескрываемой нежностью сделал сам Лу Байюй. Если не считать того, что они скрывали свой роман от посторонних глаз, эти отношения казались идеальными, даже завидными. В голове не укладывалось, что могло послужить причиной столь внезапного разрыва.

Тем не менее Тинчжоу уходил без тени сомнения или тоски. Когда они спустились в холл, у дверей лифта их уже поджидал тот самый консьерж. Расплывшись в услужливой улыбке, он предупредительно склонил голову:

— Господин Цзян, вас что-то не устроило в апартаментах? Пожалуйста, только скажите, и мы немедленно всё исправим.

— Всё в порядке, — сухо бросил Тинчжоу и нажал кнопку вызова.

Мужчина последовал за ним в кабину лифта, не умолкая ни на секунду:

— Если вам наскучило здесь, это не проблема. Загородный коттедж господина Лу в «Саду Жемчужины» тоже находится под управлением нашей компании. Там гораздо тише, чистый воздух — идеальное место, чтобы восстановить силы после больницы. Комнаты полностью подготовлены, машина ждет у подъезда. Позвольте мне проводить вас.

— В этом нет необходимости, — отрезал Тинчжоу.

Лицо собеседника не утратило безупречного профессионального выражения.

— Понимаю. Если вам не хочется оставаться дома, мы забронировали для вас номера во всех пятизвездочных отелях Юнцина. Вы можете выбрать любой по своему вкусу. Достаточно просто подойти к стойке регистрации — всё уже оплачено, вас встретят по высшему разряду.

— Я же сказал: не нужно.

Двери лифта разъехались на первом этаже. У выхода их ждал еще один сотрудник управляющей компании. В руках он держал элегантную коробку, внутри которой угадывались очертания дорогого термоса. Консьерж, шествовавший следом за Тинчжоу, елеинным голосом добавил:

— Разумеется, главное — чтобы вам было комфортно. Вы только из больницы, организм еще слаб. Мы приготовили для вас свежесваренный укрепляющий отвар. Пожалуйста, примите его. Скорейшего вам выздоровления.

«А ведь они отлично осведомлены обо всем, что со мной происходит...»

Тинчжоу хмуро посмотрел на коробку.

— Я терпеть не могу ласточкины гнезда. И будьте любезны, освободите дорогу.

Мужчина продолжал вежливо улыбаться, однако было ясно, что все возражения парня он попросту пропускает мимо ушей. Игнорируя предложенный лимузин, Тинчжоу решительно направился к обычному городскому такси. Консьерж сделал еще пару дежурных попыток отговорить его, но, поняв, что это бесполезно, препятствовать не стал. Он любезно распахнул перед гостями дверцу машины и пожелал счастливого пути. Его манеры оставались безупречными до самого конца. Напоследок он добавил:

— В апартаментах продолжают убираться, свежие цветы мы будем приносить каждое утро. Также мы проследим, чтобы все заказанные вами сезонные новинки от Тома Форда доставлялись вовремя. Двери этого дома всегда открыты для вас, господин Цзян.

Тинчжоу лишь торопливо кивнул водителю, прося поскорее трогаться.

Сяопин, который всю дорогу пытался что-то сказать, наконец не выдержал, едва такси отъехало от жилого комплекса:

— Тинчжоу, ты серьезно решил расстаться с ним? Мне всегда казалось, что молодой господин Лу — отличный парень. Ну... он ведь так заботился о тебе.

К концу фразы голос Сяопина сошел на шепот. Он искренне желал другу счастья. Да и кто посмел бы сказать хоть одно худое слово о Лу Байюе? О таком завидном женихе грезил весь город. В отличие от семейки Цзян, которая вела себя как свора гиен, Лу Байюй до сих пор казался безупречным рыцарем без страха и упрека.

Тянь Хуэй оказалась проницательнее своего приятеля.

— Тинчжоу, — прищурилась она, — а откуда ты узнал, что в термосе именно ласточкины гнезда?

Коробка была плотно запечатана, сделана из плотного картона и термоизолирована — ни единый запах не мог просочиться наружу. Тинчжоу лишь устало отмахнулся.

Как им объяснить, что в прошлой жизни, когда он впервые закатил скандал и попытался уйти от Байюя, всё развивалось по точно такому же сценарию? Это была лишь прелюдия. Отрепетированный до мелочей спектакль. Семья Лу владела крупным пакетом акций этой управляющей компании. Стоило Байюю или даже его секретарю Сун обронить пару слов, как завертелись бы шестеренки гигантской машины сервиса. Всё было просчитано до мельчайших деталей. Элитный комплекс славился своим безупречным обслуживанием. Персонал вышколили решать самые щекотливые проблемы жильцов. В том числе — профессионально ублажать капризных «птичек в золотых клетках», когда те вздумывали поиграть в независимость. Всё ради того, чтобы настоящий хозяин жизни, вернувшись домой, не забивал себе голову глупыми домашними неурядицами.

«Сияющая звезда» слепила глаза позолотой и роскошью. Всё здесь казалось безупречным, выверенным до миллиметра — прекрасная, убаюкивающая иллюзия. Вот только Цзян Тинчжоу слишком хорошо понимал: эта сказка никогда не была его собственной. Квартира всегда безраздельно принадлежала Лу Байюю. Тот впустил его под свою крышу лишь из жалости, когда Тинчжоу рассорился с семьей и остался буквально на улице. И никакие вспыхнувшие позже чувства не могли стереть этого факта. Если ты стоишь на ступень ниже и привыкаешь пользоваться чужой роскошью как своей, рано или поздно тебе предъявят счет. И цена окажется непомерно высокой.

<http://bllate.org/book/19956/1995097>